

№

АНТРАКТЪ

19.

Антрактъ выходитъ ежедневно. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ въгородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театръ. — Письмо къ редактору. — Еще объ Артистическомъ Кружкѣ. — Три эпизода изъ жизни актера. — Смѣсь (Высочайшая награда. Посѣщеніе петербургскаго театра греческимъ королемъ и западными славянами. Объ итальянской оперѣ въ Петербургѣ. Итальянская опера въ Пятигорскѣ. Литольфъ. Пѣтушій бой). — Некрологъ (Ванни).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефициальный спектакль гг. Черневокаго и Тимофеева состоялъ изъ трехъ новыхъ пьесъ. Первою изъ нихъ были «будничныя сцены» въ трехъ длинныхъ дѣйствіяхъ *Быть или не быть* — пѣска, безъ успѣха игранная прошлой зимой въ Петербургѣ, о которой въ свое время было говорено въ «Антрактѣ». Гамлетовскимъ вопросомъ задается авторъ въ глубокомъ раздумьи надъ своимъ героемъ: *быть или не быть*. Дробину жеватымъ на пожитой вдовѣ купчихѣ? *Быть или не быть* Дробину мерзавцемъ? Вопросы, въ самомъ дѣлѣ, первой важности! Надъ ними ли не подумать? Ихъ ли рѣшеніемъ не заняться на виду почтеннѣйшей публики? Но какъ ни любопытны вопросы, а процессъ рѣшенія ихъ еще любопытнѣе. Надо жениться, чтобы не трудиться; лучше *быть* мерзавцемъ, — рѣшаетъ самъ Дробинъ. Не надо жениться изъ однихъ расчетовъ, не надо продавать себя; лучше *не быть* мерзавцемъ, — рѣшаетъ пріятель Дробина, Глушковъ. Какъ тутъ поступить Дробину? Что ему дѣлать? Кто, чѣмъ и какъ рѣшить ему его *быть или не быть*? Авторъ притчею въ лицахъ рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: у нѣкоего добродѣтельнаго мужа обрѣтается такая же добродѣтельная дочь, которая, при всей своей бѣдности, богатая предложенія отвергаетъ и сердцемъ своего никого не взыскаваетъ. «Ба! Да вѣдь эта добродѣтельная дѣвственница живой укоръ мнѣ!» — порывается Дробинъ. Въ силу этого довода, онъ бросаетъ свою купчиху, намѣренъ жениться на живою укоръ и *не быть* мерзавцемъ. Между тѣмъ деньголюбивый братецъ купчихи докладываетъ Дробину, что заказанная для него карета готова. Въ силу этого новаго довода, Дробинъ бросаетъ добродѣтельную дѣвцу, снова обращается къ купчихѣ и намѣренъ *быть* мерзавцемъ. Вотъ въ нѣсколькихъ основныхъ пунктахъ вся длинная пѣска. Не правда ли, играется на свѣчѣ? Какое всенасмѣшливое рѣшеніе такой глубоко-жизненной задачи! И что за удивительныя лица призваны къ дѣйствию въ пѣсѣ! Какъ много правды въ этомъ Дробинѣ, который, обольщенный каретой, со слезами

на глазахъ рѣшается быть мерзавцемъ! А что за прелесть — человекъ пріятель Дребяча, Глушковъ! Онъ по пѣсѣ типе воды, ниже травы, непорочнѣе ягнѣнка, невиннѣе голубицы. Говоритъ Глушковъ мало, за то говоритъ такія все хорошія вещи, что просто слушать хочется; съ дурными людьми не водится, не всякаго даже счастливѣе пожатіемъ руки, а коли что не по немъ, такъ только помахиваетъ головой, бросаетъ презрительныя взгляды, да испускаетъ тяжкіе вздохи. Предѣлкатный, предобродѣтельный человекъ! Вотъ коли бы этакіхъ рѣдкостныхъ людей да побольше показывать на сценѣ: вѣдь пороку то бы въ обществѣ нашемъ не жить!... Все это очень хорошо; только отчего бы и бенефициантамъ прежде, нежели ставить такую пѣску на нашу сцену, не подумать надъ вопросомъ: *быть или не быть* ей поставленной? И что развѣ пріятно г. Шумскому было являть изъ себя со сцены въ 666-й разъ выставленнаго въ общее назиданіе пустѣйшаго, безличнѣйшаго героя пѣссы, а гг. Самарину, Дмитревекому и г-жѣ Федотовой — также безличнѣйшихъ добродѣтельныхъ лицъ? Не думаемъ даже, чтобы и болѣе крупная роль пѣссы Семена Кумачева составила прочное пріобрѣтеніе въ репертуаръ г. Федотова, который, какъ было видно, положилъ на нее не мало труда? Мало развѣ нашимъ артистамъ работы, самой непродуцибельной работы надъ разными *Гражданскими браками* (*)? Что же приглянулось въ пѣсѣ Фролова бенефициантамъ? Ужъ не хорошія ли слова Глушкова о томъ, что *честныя женщины не переведутся у насъ, пока будетъ существовать съ нашимъ обществомъ семья и честь*, или что-то въ этомъ родѣ? Но вѣдь къ этимъ высокимъ азбучнымъ истинамъ публика наша до того притерпѣлась, что выслушиваетъ ихъ съ убійственнымъ молчаніемъ, если не со скукой. Дробинъ *хочетъ* показать себя во всемъ безобразіи только молодежи (3-е д.), а авторъ

(*) Къ слову сказать, эта милая пѣска совершенно оправдала тѣ ожиданія, которые возлагали мы на нее. Первое представленіе ея послѣ поста едва собрало зрителей только на одну треть залы нашего Малаго театра. Sic transit gloria imaginaria!

и бенефицианты заблагоразсудили безобразие его и пьесы, героем которой онъ является, показать всѣмъ возрастамъ театральной публики обѣихъ русскихъ столицъ. Пьеса Фролова и тысячи подобныхъ ей приводятъ намъ на память слова Иванова-Желудкова, автора небольшой и въ своемъ родѣ курьезной статейки «Психологическая замѣтка», помѣщенной въ 1-й книжкѣ вышедшаго года «Отечественныхъ Записокъ». *Нелѣпныя связи, — говорится тамъ — неровные браки, все безразсудства любви и ревности — все это и многое другое не сводится ли на галлоципации, въ которыхъ уль принимаетъ въшалку за челоука, созная, что это въшалка.* Одну изъ такихъ въшалокъ, сознательно выдаваемыхъ за людей, исполняла въ пьесѣ Фролова петербургская актриса г-жа Липская, и своею манерною, вычурною игрой, непріятною дикціей и большимъ однообразиемъ произвела на насъ очень невыгодное впечатлѣніе. До настоящаго бенефиса эта артистка сыграла, кромѣ роли въ названной пьесѣ, еще три роли на нашей сценѣ; но что это за роли? Приживалка въ «Губернере», молодая старуха въ пустѣйшемъ старомъ водевилѣ «Бѣдовая бабушка» и ничтожная роль Пелагеи Карповны Торцовой въ «Бѣдности — не порокъ». Посмотримъ, что будетъ дальше, а для такого рода ролей не стоило бы г-жѣ Липской выставлятъ на московскихъ афишахъ въ крупныхъ строчкахъ свое имя.

За томленіе отъ первой пьесы мы были до нѣкоторой степени вознаграждены тѣмъ веселымъ смѣхомъ, на который вызвала зрителей небольшая мольеровская комедія «Пурсоньякъ». Эта комедія Мольера, какъ и большая часть другихъ маленькихъ пьесокъ его, бѣдна замысломъ: вся она состоитъ изъ приключеній провинціала, собравшагося въ Парижъ жениться и пожуировать. Приключенія эти искусственно придѣлены къ самой обыкновенной любовной интригѣ, но очень забавны и оригинальны. Разшутившаяся на просторѣ фантазіи комика изобрѣтаетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и смѣшныхъ положеній, которые съ комическими наивностью и хладнокровіемъ очень удачно передавались г. Садовскимъ, исполнителемъ роли Пурсоньяка. Каждое дѣйствіе этой комедіи оканчивается у Мольера интермедіею съ пѣніемъ и танцами комическаго характера. На нашей сценѣ эти интермедіи, по обыкновенію, были опущены и потому дѣйствія пьесы остались какъ бы безъ конца, что было особенно замѣтно въ 3-мъ дѣйствіи. Пьеса отъ этого немало потеряла и не могла произвести въ цѣломъ того впечатлѣнія, на которое съ большимъ вѣроятіемъ рассчитывалъ авторъ*). Къ тому же отчасти пострадала комедія и отъ перевода. Мы не особенно сѣтуемъ на переводчика зато, что онъ сократилъ большой монологъ перваго доктора

на консультаціи (въ 1 дѣйствіи), но не можемъ не жалѣть опущенной въ русскомъ переводѣ сцены между переодѣтымъ въ женское платье Пурсоньякомъ и двумя прохожими швейцарцами, приглашающими Пурсоньяка идти, вмѣстѣ съ ними, сморѣть, какъ будутъ въшатъ Пурсоньяка (въ 3 дѣйствіи). Сцена эта очень комична и рѣшительно необходима для 3 дѣйствія, которое безъ этой сцены является бѣднымъ, противъ двухъ первыхъ дѣйствій, комическими положеніями, а потому общее впечатлѣніе къ концу замѣтно ослабѣваетъ. Комедія эта была исполнена очень недурно, хотя мѣстами недовольно живо. Менѣе удачно вышла у г. Петрова роль старика Оронто. Г. Музиль былъ бы недуренъ въ трудной роли плутоватаго Сбригани, еслибы позаботился о большемъ разнообразіи: не сходя въ теченіе всей пьесы съ одного тона голоса, онъ былъ однообразенъ даже въ вертливости своей, въ движеніяхъ и жестахъ, которые поэтому должны были до нѣкоторой степени утомлять глазъ зрителя. Заключительная сцена 2 дѣйствія, въ которой мнимыя жены и дѣти начинаютъ съ разныхъ сторонъ тормозить Пурсоньяка, была хорошо поставлена въ режиссерскомъ отношеніи и вызвала много смѣха. Спектакль окончился новою шуткой «Братья Давенпортъ и спиритизмъ», въ которой, какъ и во всѣхъ современныхъ шуткахъ, странно было бы искать хотя какого-нибудь смысла, но надъ которой по крайней мѣрѣ можно смѣяться, хоть и не совсѣмъ умнымъ смѣхомъ. Для чего это только всѣ участвовавшіе въ этой шуткѣ, очищенной отъ куплетовъ, вздумали заключить ее четырехстишнымъ хорovýmъ куплетомъ временъ Очакова и покоренія Крыма?

Бенефисъ суфлеровъ драматической труппы состоялъ сплошь изъ старыхъ пьесъ, — а театръ былъ почти полонъ и зрители, вѣрно, не посѣтовали на бенефициантовъ за то, что они не погнались за какими-нибудь пошлыми новостями и придержались хорошаго стараго. «Горе отъ ума» прослушано было съ обычнымъ, почти благоговѣйнымъ вниманіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе этой комедіи подало поводъ части публики, особенно неравнодушной къ театру и его дѣятелямъ, почтить многолѣтнюю и крайне полезную, крайне честную дѣятельность двухъ актеровъ, доставшихся теперешней драматической труппѣ нашей въ прекрасное наслѣдіе отъ знаменитой прежней труппы. Гг. Степановъ и Никифоровъ такъ много и такъ хорошо послужили московской сценѣ и московской публикѣ, что заслуживаютъ всякаго почтенія и имѣютъ полное право на расположеніе публики. И публика наша дѣйствительно давно уже взыскала ихъ своею любовью; но, къ сожалѣнію, не имѣетъ обычныхъ поводовъ для того, чтобы особенно осязательнымъ образомъ выражать свои симпатіи имъ. Такимъ обычнымъ поводомъ для выраженія артисту сочувствія со стороны публики бываютъ бенефисы артистовъ; но гг. Степановъ и Никифоровъ, изъ своей личной имѣ скромности, обыкновенно отказываются отъ права своего на бенефисъ и довольствуются, вмѣсто того, самою ограниченою денежною

*) Въ первое представленіе «Пурсоньяка» въ Шамборѣ въ присутствіи короля въ интермедіи, которою оканчивается первое дѣйствіе, знаменитый Люлли игралъ роль одного изъ каррикатурныхъ докторовъ и пѣлъ три куплета, итальянскія слова которыхъ были, говорятъ, сочинены имъ самимъ, точно такъ же, какъ и музыка этихъ куплетовъ.

прибавкою къ ихъ жалованью. Но публика не захотѣла долго оставаться въ долгу у своихъ любимцевъ и нашла-таки случай отъ всей души поблагодарить ихъ за ихъ добрую дѣятельность. Мы говоримъ: *отъ всей души*, потому что надобно было видѣть, на сколько единодушны и задушевы были тѣ аплодисменты, которыми сопровождалось поднесеніе этимъ двумъ заслуженнымъ артистамъ подарковъ.

Въ третьемъ актѣ комедіи, при первомъ выходѣ г. Степанова на сцену въ роли князя Тугоуховскаго, раздался громъ рукоплесканій, болѣе сильный и продолжительный, чѣмъ рукоплесканія, встрѣчающія обыкновенно самыхъ любимыхъ артистовъ въ дни ихъ бенефисовъ. Дирижировавшій оркестромъ г. Славикъ передалъ на сцену подарокъ отъ публики заслуженному артисту. Г-жа Васильева, занимавшая роль Натальи Дмитриевны и находившаяся въ это время на сценѣ, приняла подарокъ у г. Славика и передала его П. Г. Степанову. Подарокъ состоялъ изъ серебряной вызолоченной кринки, обвитой берестами, сдѣланными изъ того же металла.

Кринка эта какъ бы заткнута тряпкою, какъ обыкновенно затыкаются кринки съ молокомъ; на этой тряпкѣ, сдѣланной изъ матоваго серебра, вычеканенъ старикъ мужикъ съ балалайкою, сидящій у стола, на которомъ штофъ и стаканъ, а вокругъ этой крышки надпись: *Какъ гуляетъ староста* (намекъ на роль г. Степанова въ водевилѣ «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ»). На кринкѣ вырѣзаны года: 1867 и 1825 (годъ поступленія г. Степанова на службу къ московскому театру). Кринка стояла на серебряномъ блюдѣ, по краямъ котораго сдѣлана надпись чернью: *Петру Гавриловичу Степанову отъ почитателей его таланта*, а на срединѣ блюда вырѣзаны названія семи ролей Степанова: *Князь Тугоуховскій, Фридрихъ, Судья, Ямница, Кадушкинъ, Староста, Артистъ*. Блюдо съ кринкою было поставлено на бархатномъ подносѣ, на которомъ лежала также большая, въ рускомъ вкусѣ сдѣланная, серебряная ложка.—Артистъ, принимая подарокъ при громѣ рукоплесканій и крикахъ «браво», былъ тронутъ до слезъ. При появленіи на сцену г. Никифорова въ роли г. Н. снова раздавался громъ рукоплесканій и снова г. Славикъ передалъ другой подарокъ отъ публики другому заслуженному артисту. Подарокъ этотъ состоялъ изъ массивнаго серебрянаго, вызолоченнаго кубка, на крышкѣ котораго помѣщенъ бюстъ Гоголя. На кубкѣ вырѣзаны года: 1867 и 1824 (годъ поступленія г. Никифорова на службу къ московскому театру), а также и надпись: *Николаю Матвѣевичу Никифорову отъ почитателей его таланта*. На серебряномъ блюдѣ, на которомъ стоялъ кубокъ, вырѣзаны тоже имена шести ролей г. Никифорова: *Господинъ Н., Бобинскій, Жевакинъ, Кутейкинъ, Сутягинъ, Алукинъ*. Когда г-жа Оедотова, занимавшая роль Софьи, взяла подарокъ изъ рукъ г. Славика и передала его почтенному артисту, слезы закапали у него изъ глазъ такъ, что г-жа Оедотова принуждена была снять съ него бывшіе

на немъ синіе очки. Долго не могъ г. Никифоровъ начать свою роль: громкія, тоекратно возобновлявшіяся рукоплесканія, а также и собственное его волненіе не давали ему это сдѣлать.

По окончаніи 3-го акта, оба заслуженные артиста были вызваны и явились передъ публику съ своими подарками, при чемъ г. Степановъ поцѣловалъ свой подарокъ. Оба подарка работы г. Сазикова и сдѣланы весьма изящно.

Изъ всѣхъ исполнявшихъ «Горе отъ ума», когда эта комедія 27 ноября 1831 года въ первый разъ шла на московской сценѣ, въ спектаклѣ 10 мая участвовали только трое: Живокини, Степановъ и Никифоровъ (*).

Не часто приходилось намъ переживать въ театрѣ такіе истинно прекрасныя минуты. Мы радовались за почтенныхъ артистовъ, мы радовались за публику. Такой публикѣ можно служить, на такую публику можно работать артистамъ: цѣнное будетъ оцѣнено, заслуги не пропадутъ и не забудутся. Пожелаемъ при этомъ, чтобы гг. Степановъ и Никифоровъ не отказывались на будущее время отъ своихъ бенефисовъ и тѣмъ давали нашей публикѣ ежегодную возможность высказываться со стороны ея лучшихъ симпатій. Отъ всей души пожелаемъ также, чтобы долго и долго еще не прекращалось для московской сцены украшающая ее дѣятельность этихъ двухъ артистовъ (**).

За комедію Грибоедова слѣдовалъ водевилъ «Бѣда отъ нѣжнаго сердца». Водевилъ этотъ очень игривъ и веселъ самъ по себѣ, разыгранъ былъ онъ очень недурно, при участіи гг. Садовскаго и Шумскаго (послѣднему мало помѣшали даже его года, не подходящія къ исполнявшейся имъ роли простоватаго, влюбливаго юноши); даже г-жа Линская удачнѣе другихъ ролей, въ которыхъ видѣли мы ея въ ея нынѣшней пріѣздъ, сыграла роль Кубыркиной. Итакъ, стало быть, все обстояло-бы благополучно, если бы г. Шумскому—въ то время, когда молодой Золотниковъ говоритъ, что онъ готовъ идти въ литераторы,—не вздумалось вмѣсто этого сказать, что онъ готовъ идти въ театральныя критики. Водевилъ этотъ старый, давно дается на нашей сценѣ и между тѣмъ до сихъ поръ мы ни разу не слышали, чтобы въ немъ упоминалось о

(*) Сообщимъ кстати, кто именно игралъ роли въ *Горе отъ ума* на первомъ представленіи этой комедіи: Фамусова—Щепкинъ, Софья Павловна—Львова-Синецкая, Лизы—Нагаева, Молчалина—Ленскій, Чацкаго—Мочаловъ, Скалозуба—Орловъ, Наталья Дмитриевна—Сабурова, Платона Михайловича—Третьяковъ, Загорѣцкаго—В. Степановъ, Репетилова—Живокини, Хлестовой—Кавалерова, графиня Хрюминой—Вожановская, графиня ея внучки—Карпакова-Богданова, князя Тугоуховскаго—П. Степановъ, г. Д.—А. Богдановъ (теперешній режиссеръ московской драматической труппы) и г. Н.—Никифоровъ.

(**) Вчера въ Артистическомъ Кружкѣ былъ данъ ужинъ въ честь гг. Степанова и Никифорова.

театральных критиках; точно также о театральных критиках не говорится ни въ печатных экземплярах этого водевиля (От. Зап. 1850. LXIX), ни въ цензурованных театальной цензурой экземплярах его, по которым играется, или по крайней мѣрѣ долженъ играть и игрался до сихъ поръ этотъ водевиль на всѣхъ русскихъ сценахъ. Сказать *литераторы* или *театральные критики*—въ сущности не все ли это равно; но не все равно это потому уже, что такого рода замѣна, само собою разумѣется, не могла быть случайною и у г. Шумскаго «умыселъ другой тутъ былъ»: онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ рассказать театральныхъ критиковъ, которые имѣли неосторожность прогнѣвить его. Если Эжгофъ, Веки, Гензели, Мекуры, или наши Ленскіе враждебно относились къ театральнымъ критикамъ своего времени: первые—къ Лессингу, (см. «Gamb Dram.» листокъ 19 апр. 1768 г.) а послѣдній—къ Вѣлиаскому (См. Антр. 1866 г. № 41), то мудрено ли, что и г. Шумскій негодуетъ на современную театральную критику? Но до сихъ поръ онъ негодованіе это высказывалъ въ газетахъ; теперь онъ обнаруживаетъ его даже со сцены. Выходка г. Шумскаго сама по себѣ на столько незначительна, что объ ней не стоило бы и заикаться, если бы она, имѣя цѣлью затронуть театральную критику, не затрогивала вмѣсто того двухъ, очень важныхъ на наши глаза обстоятельствъ. Во первыхъ, эту выходку затронуты авторскія права. Если еще могутъ быть терпимы сокращенія и выпуски, дѣлаемые въ театральныхъ піесахъ безъ вѣдома авторовъ, то ужъ отнюдь ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы дѣлаемые безъ вѣдома авторовъ измѣненія и прибавки. Поэтому намъ очень бы любопытно было узнать: съ согласія ли автора, гр. Соллогуба, который, какъ извѣстно, живетъ въ Москвѣ, сдѣлано г. Шумскимъ подобное измѣненіе въ его роли? Во вторыхъ, намъ кажется, что сцена вообще и императорская сцена въ особенности не можетъ и не должна быть обращена въ арену для выраженія личныхъ антипатій того или другого актера. Поэтому намъ очень бы любопытно было узнать: съ вѣдома ли режиссера и инспектора репертуара, на которыхъ лежитъ обязанность блюсти неприкосновенность процензурованнаго особенною театальною цензурой текста піесы,—сдѣлано г. Шумскимъ измѣненіе въ его роли? Если г. Шумскій хотѣлъ этимъ, по его мнѣнію, *кстати* замолвленнымъ словомъ, колыхнуть въ глазахъ публики театральную критику, — то вѣдь это *по меньшей мѣрѣ* безтактно. Какая же публика не сообразитъ, что въ дѣлѣ театральной критики актеръ—не судья? Театральную критику такъ же какъ и актера, судитъ сама публика и у нея есть средства выражать свои приговоры: плохого актера она можетъ не смотреть, а плохой критикъ—не читать; если же она читаетъ критическія статьи о театрѣ, то, стало-быть, находитъ въ нихъ какой-нибудь толкъ, что-нибудь пригодное для себя, и оттолкнувъ ее отъ этого чтенія можетъ только сама театральная критика, а никакъ ужъ не отношеніе къ этой критикѣ актеровъ. Признаемся, мы никакъ

не ожидали отъ г. Шумскаго публичнаго и неумѣстнаго проявленія такой мелочной раздражительности, такой безспильной злобы. Мы впрочемъ не хотимъ и сомнѣваться, чтобы кто другой изъ нашихъ артистовъ, уважающихъ и свое дѣло, и публику, рѣшился позволить себѣ что-нибудь подобное, да надѣемся, что и г. Шумскій не повторитъ своей выходки, если только будетъ еще когда-нибудь играть роль Золотникова.

Въ нынѣшнемъ № мы сообщаемъ извѣстіе о спектаклѣ въ петербургскомъ Маринскомъ театрѣ въ присутствіи славянскихъ гостей. На дняхъ Москва увидитъ ихъ наконецъ въ своихъ гостепримныхъ стѣнахъ. Будемъ надѣяться, что и московскій театръ не отстанетъ отъ петербургскаго, и если въ Петербургѣ Славяне познакомились съ лучшею оперою одного русскаго композитора, то Москва познакомитъ ихъ съ лучшею оперою другого русскаго композитора—«Аскольдовою могилою» Верстовскаго. На Маломъ же театрѣ нашемъ мы желали бы, чтобы славяне увидали лучшее достояніе русскаго сцены—комедіи Гоголя и Грибоедова.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Позвольте, при посредствѣ издаваемой вами театральной газеты, обратиться съ покорнѣйшею просьбой къ театральному рецензенту «Русскихъ Вѣдомостей». Въ 51-мъ № этихъ Вѣдомостей неизвѣстный авторъ статьи «Московскій Малый театръ» предпосылаетъ разбору игры новыхъ участниковъ къ представленію гоголевскаго «Ревизора» упрекъ въ томъ первымъ артистамъ московской сцены за то, что они не хотятъ принимать къ свѣдѣнію замѣчаній критики. Не знаю, точно ли и въ какой мѣрѣ заслужены московскими актерами этотъ упрекъ, однако не могу при этомъ не припомнить, что вы, также пишущій о московской сценѣ, пришли къ совершенно противоположному заключенію. Вотъ слова ваши изъ 10 № Антракта за нынѣшній годъ: «наши артисты, за очень небольшими исключеніями, на столько дорожатъ интересами своей профессіи, на столько неравнодушны къ своему искусству, что готовы выслушать и принять всякое, непосредственно относящееся къ ихъ дѣлу слово (хотя бы порой и колющее глазъ), всякое, «не попусту сдѣланное указаніе». Вѣдь съ чего-же нибудь да сказали вы это! Да не въ этомъ дѣло. Рецензентъ «Русскихъ Вѣдомостей», говоря о моей игрѣ въ роли Земляники, замѣчаетъ, что я, *какъ и всегда, былъ въпрямь себѣ: не стѣснялся ни характеромъ, ни положеніемъ лица, которое играю, и старался по обыкновенію выкидывать штуки и или слышать публику—очень хорошо!* Я ни на минуту не думаю сомнѣваться въ справедливости всего сказаннаго обо мнѣ рецензентомъ, но мнѣ сильно хочется, чтобы все то, что у меня въ первое представленіе было *очень плохо*, выходило впередъ *очень хорошо*. Поэтому я обращаюсь съ убѣдительно-

нѣйшею просьбой къ рецензенту «Русскихъ Вѣдомостей» сказать мнѣ, какія именно *штуки* выкидывалъ я, чтобы, зная ихъ, я былъ въ состояніи ихъ не выкидывать впередъ. Въ теченіе всего моего многолѣтняго служенія московской сценѣ я не только никогда не оставлялъ безъ вниманія дѣлаемыхъ мнѣ замѣчаній, совѣтовъ и указаній, но любилъ выслушивать ихъ и старался пользоваться ими всегда, когда это оказывалось возможнымъ. Но вѣдь чтобы лѣчить болѣзнь, надобно прежде знать ее. Я увѣренъ, что рецензентъ «Русскихъ Вѣдомостей» не откажется исполнить мою покорнѣйшую просьбу и, объяснивъ въ чемъ заключались выкидываемыя мною штуки, дастъ мнѣ возможность отдѣлаться отъ нихъ, за что я отъ всей души буду ему благодаренъ.

В. Живокини.

7 мая.

ЕЩЕ ОБЪ АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКѢ.

Быть, или не быть?

Гамлетъ, актъ III, сц. I.

Нашимъ читателямъ, вѣроятно, интересно будетъ узнать о дальнѣйшей судьбѣ Артистическаго Кружка, переживающаго въ настоящее время опасный для него кризисъ.

6-го мая члены были приглашены къ экстраординарному собранію. Въ собраніи этомъ слѣдовало предложить къ баллотировкѣ заявленіе нѣкоторыхъ членовъ, сдѣланное въ собраніи 3 мая, о составленіи комиссіи для присканія средствъ къ дальнѣйшему существованію Кружка. При входѣ въ залу дѣйствительно стояли ящики для баллотировки, но самой баллотировки не было, вѣроятно, потому, что не собралось надлежащаго числа дѣйствительныхъ членовъ; но въ такомъ случаѣ на старшинахъ лежала обязанность объявить объ этомъ присутствовавшимъ членамъ при самомъ началѣ засѣданія. Однако этого не было сдѣлано; вообще въ Кружкѣ дѣлается все какъ-то по домашнему, *sans façon*. Послѣ полуночи открылось засѣданіе. Изъ шести старшинъ—на лицо было только четверо, даже не было дежурнаго старшины, имя котораго висѣло на стѣнѣ. Старшина Рахмановъ открылъ засѣданіе длинною рѣчью, содержаніе которой я постараюсь передать, на сколько я его запомнилъ. Г. Рахмановъ объявилъ, что по настоятельному требованію домовладѣльца, г. Пукалова, исполнительный листъ объ описи имущества Кружка возымѣлъ свое дѣйствіе и весь инвентарь Кружка уже описанъ. Надо было искать другаго помѣщенія и вотъ г. Рахмановъ свосился по этому предмету съ содержателемъ гостиницы, бывшей Лабади, г. Журнало, и полученное отъ него письмо на французскомъ языкѣ г. Рахмановъ прочелъ въ переводѣ. Въ письмѣ этомъ г. Журнало предлагаетъ Кружку помѣщеніе изъ 8 комнатъ, залы, гораздо большей, чѣмъ теперешняго зала Кружка, и столовой, равняющейся теперешней его залѣ. Помѣщеніе это г. Журнало предлагаетъ Кружку съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою, мебелью и посудой, съ тѣмъ,

чтобы Кружекъ за это платилъ ему въ годъ всего только 2000 р. и предоставилъ ему содержаніе буфета въ Кружкѣ, а также иногда, по взаимно соглашенію, предоставлялъ въ его распоряженіе залу Кружка. Г. Рахмановъ заявилъ о выгодѣ этого предложенія, сокращающаго расходы Кружка по содержанію одной только прислуги въ 14700 р. (я беру круглыя цифры). Но какъ же отдѣлаться отъ теперешняго помѣщенія Кружка, съ которымъ такъ не разрывно связываетъ его контрактъ, заключенный прежними старшинами съ г. Пукаловымъ? По мнѣнію г. Рахманова, для этого представляются три средства. Первое изъ этихъ средствъ состоитъ въ томъ, чтобы передать теперешнее помѣщеніе Кружка другому наемщику, тѣмъ болѣе, что г-жа Севернардъ изъявляетъ готовность снять это помѣщеніе за 2,000 р. Хотя Кружекъ платитъ въ настоящее время 3,000 р., но вѣдь новое помѣщеніе его, если примется предложеніе г. Журнало, будетъ ему стоить только 2,000 р.; такимъ образомъ плата за помѣщеніе Кружка остается прежняя, но будетъ большая экономія въ расходахъ на отопленіе, освѣщеніе, прислугу и пр. Такъ какъ по контракту передачи этой нельзя сдѣлать безъ согласія г. Пукалова, то г. Рахмановъ писалъ ему объ этомъ, но не получилъ отъ него отвѣта. Второе средство—предоставить домовладѣльцу все имущество Кружка и такимъ образомъ покончить съ этимъ контрактомъ. Третье средство—въ крайнемъ случаѣ, оставивъ теперешнее помѣщеніе Кружка пустымъ, платить за него г. Пукалову за все время контракта по 3,000 р. въ годъ, что Кружекъ въ состояніи будетъ сдѣлать, потому что съ принятіемъ предложенія г. Журнало, Кружекъ выгодаетъ около 12,000 р. въ годъ.

Вслѣдъ за тѣмъ г. Островскій предложилъ присутствовавшимъ членамъ подписать заявленіе, что они желаютъ уполномочить старшинъ войти въ подробнѣйшія соглашенія съ гг. Журнало и Пукаловымъ на счетъ помѣщенія Кружка и слѣдующее собраніе Кружка назначить уже въ новомъ его помѣщеніи. «Можетъ быть»,—прибавилъ г. Островскій,—«желаніе осмотрѣть новое помѣщеніе соберетъ большее число членовъ, а то и на этотъ разъ ихъ собралось недостаточное количество, чтобы пустить это предложеніе на баллотировку». За тѣмъ приступлено было къ подписи этого заявленія, и большая часть бывшихъ въ Кружкѣ на-лицо членовъ его подписала.

На собраніе кружка, бывшее 11 мая въ новомъ помѣщеніи, явилось довольно значительное число членовъ. Въ этотъ разъ было не мало толковъ и баллотировокъ. Первая баллотировка была о томъ, чтобы члены Кружка уполномочили старшинъ не только нанять для Кружка новое помѣщеніе въ видѣ опыта до 1 октября нынѣшняго года, но также войти въ соглашеніе съ владѣльцемъ прежняго помѣщенія Кружка г. Пукаловымъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ покончить съ существующимъ на то помѣщеніе контрактомъ. Потомъ баллотировалось сдѣланное еще прежде предложеніе составить комиссію для опредѣленія обстоятельствъ принудившихъ старшинъ предложить добавочный экстраор-

ливарный взносъ 10 руб. каждымъ членомъ. Наконецъ баллотировалось также сдѣланное прежде предложеніе составить комиссію изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ любителей для отысканія средствъ къ упроченію дѣйствительнаго существованія Кружка. Всѣ эти три предложенія были выбаллотированы большинствомъ членовъ. За тѣмъ приступили къ выбору членовъ въ комиссію: каждый членъ писалъ нѣсколько именъ на запискѣ и передавалъ ее старшінамъ, которые эти записки клали въ избирательный ящикъ. Но вся эта процедура отняла довольно много времени; было уже два часа по полуночи, и большая часть членовъ разъѣхалась, такъ что не осталось необходимаго для баллотировки числа членовъ (45). Поэтому баллотировка о составѣ комиссіи отложена на непродолжительное время.

Послѣ всего того, что происходило 11 мая, можно надѣяться, что, не смотря на ошибки старшинъ, на равнодушіе вообще (особенно въ послѣднее время) артистовъ къ Кружку, носящему ихъ имя, московскій Артистическій Кружокъ будетъ продолжать свое существованіе. Новое помѣщеніе, кажется, довольно удобно и во всякомъ случаѣ лучше прежняго: уже по одному тому, что состоитъ изъ длиннаго ряда комнатъ, а не раздѣлено, какъ прежнее помѣщеніе, на два этажа. Пусть только артисты съ большимъ сочувствіемъ отнесутся къ этому Кружку, пусть Кружокъ существуетъ не для того только, чтобы увеличивать собою число обыкновенныхъ московскихъ клубовъ—это было бы лишнее—пусть онъ, вполнѣ оправдывая носимое имъ имя *Артистическаго Кружка*, и тогда существованіе его упрочено. Тамъ, гдѣ падаетъ искусство, виноваты сами художники—выраженіе старое, но мнѣ кажется тутъ катитъ повторить его.

М. Эрангеръ.

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗЪ ЖИЗНИ АРТИСТА

Eljen! Eljen! (Вивать, вивать!) кричало до двухъ сотъ голосовъ въ комитатѣ въ Эперіенѣ. «Eljen Almazu! Eljen!» (Вивать Алмази! вивать!). Рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ одинъ высокочтимый магнатъ былъ выбранъ въ палатины. Этотъ день былъ днемъ праздника для маленькаго привѣтливаго городка: голоса избирателей въ этотъ разъ выходили прямо изъ сердца, а не изъ кошельковъ кандидатовъ. Въ театрѣ, при великолѣпномъ освѣщеніи, давали «Матвѣя Корвина», а послѣ спектакля былъ назначенъ великолѣпный ужинъ. Короля Корвина превосходно игралъ нѣмецкій актеръ Штейнъ. Магнаты слѣдили съ особеннымъ наслажденіемъ за великолѣпною игрою, и талантливый артистъ удостоился приглашенія на ужинъ магнатовъ.

За ужиномъ Штейнъ велъ себя какъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, привыкшій вращаться въ избранномъ кругу, и съ большимъ тактомъ пользовался плодами своей опытности. Его остроумныя шутки и ловкіе анекдоты немало способствовали возбужденію веселости въ обществѣ. Послѣ тостовъ за короля, отечество и сѣдаго героя праздника, Штейнъ на-

чалъ чокаться со всѣми присутствующими, скромно благодаря ихъ за честь, которою они его удостоили, и за снисходительное поощреніе его скромнаго таланта. Но въ ту минуту, какъ онъ произнесъ эти слова со всѣмъ достоинствомъ свѣтскаго человѣка, одинъ лакей хватаетъ его безъ церемоній за шиворотъ, а другой еще безцеремоннѣе запускаетъ руку въ карманы и вытаскиваетъ ни болѣе ни менѣе, какъ 22 ложки, которыя онъ стянулъ необыкновенно ловко во время задумчивой бѣды.

Уличенный въ кражѣ ложекъ, Штейнъ былъ арестованъ, проходилъ 24 часа въ кандалахъ и, наконецъ, въ видѣ милости, былъ высланъ изъ города, — мягкосердечный судья поставилъ человѣка на вѣсы съ артистомъ, и гиря артиста перетянула въ пользу человѣка.

На слѣдующій годъ, на послѣднихъ дняхъ карнавала, я, — пишетъ авторъ этихъ воспоминаній, — шелъ подъ руку съ моимъ другомъ Венделиномъ по улицамъ города Кашау. Мы хотѣли сойти на мостовую, но вмѣсто мостовой попали въ снѣгъ, который захрустѣлъ подъ нашими ногами, напоминая намъ о суровости зимы.

— Сегодня мы хотѣлось бы потанцевать, — сказала я, стуча зубами, — чтобы разогрѣть хоть сколько-нибудь мою кровь. Нѣтъ ли сегодня какого-нибудь общественнаго бала въ Кашау?

— Общественнаго нѣтъ, но сегодня нѣмецкій актеръ Тренкъ даетъ великолѣпный балъ, въ честь своихъ друзей и поклонниковъ.

— Господи, балъ странствующаго гистріона! вскричалъ я съ улыбкой, кутая носъ въ воротникъ шубы.

— Повоздержись немного! Тренкъ — талантъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ артистовъ, — замѣтилъ мой другъ, — талантъ, который съ честью выдержалъ бы критику самаго суроваго, отличнаго судьи. Онъ утверждаетъ, что происходитъ отъ одной изъ младшихъ отраслей извѣстной баронской фамиліи и дѣйствительно его образованіе и познанія дали бы ему право на листокъ генеалогическаго дерева, если бы...

— Что если бы?

— Онъ игрокъ по профессіи и отлично умѣетъ обигрывать. Онъ выручаетъ игрой огромныя суммы и тратитъ ихъ самымъ безразсуднымъ образомъ. Но его счастье начинается казаться подозрительнымъ; ходятъ слухи, что онъ пускается на разные фокусы. Впрочемъ, это до насъ не касается. Намъ нуженъ только балъ, который дѣйствительно сегодня будетъ великолѣпенъ. Тренкъ прислалъ мнѣ два пригласительные билета; передаю одинъ изъ нихъ въ твоё распоряженіе; пойдемъ со мною, если хочешь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я.

Черезъ нѣсколько часовъ мы входимъ въ роскошно убранныя залы хозяина бала. Когда мы потанцевали вдоволь съ венгерскими дамами, какой-то услужливый духъ привелъ насъ въ игорную. Играли въ фараонъ. Тренкъ былъ банкометомъ. Я едва вѣрилъ глазамъ, узнавъ въ этомъ изящно одѣтомъ и тщательно причесанномъ господинѣ актера Штейнъ.

на, который въ Эперіешѣ такъ удачно дебютировалъ въ роли Корвина и такъ неудачно въ роли вора.

— Ah, bon soir, bon soir! закричалъ онъ мнѣ съ самою пріятливою непринужденностью и началъ новую талію, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Возлѣ него возвышались груды золота и банковыхъ билетовъ.

— Ya banque! вдругъ вскричалъ кто-то, бросая бубнового валета на столъ и прикрывая карту пачкою билетовъ. Новый игрокъ былъ высокій венгерецъ, съ мужественно красивыми чертами лица. До хъ поръ онъ стоялъ спокойнымъ зрителемъ, но спускалъ глазъ съ маленькихъ изящныхъ ручекъ банкюмета.

Всѣ понтеры сняли свои вклады, а банкюметъ, съ пріятливою улыбкой, съ самымъ безпечнымъ благородствомъ, выдергивалъ карту за картою, пока роковой валець не очутился на его сторонѣ. Но въ ту же минуту блеснуло оружіе и правая рука банкюмета, пронзенная насквозь кинжаломъ, осталась прикованною къ столу. Общій крикъ ужаса встрѣтилъ этотъ необъяснимый поступокъ.

— Ты не будешь болѣе надуть, мошенникъ, — холодно и спокойно произнесъ венгерецъ, вытаскивая изъ рукава поблѣднѣвшаго шулера карту, которую онъ подмѣнилъ за минуту передъ тѣмъ.

Шулеръ лишился правой руки, потому что ее сочли необходимымъ отнять для спасенія его жизни. Я совершенно потерялъ его изъ вида до третьей и послѣдней встрѣчи.

Въ 1849 г. общимъ теченіемъ меня принесло въ Штейн-мангеръ, гдѣ я рассчитывалъ отдохнуть нѣсколько дней послѣ безконечныхъ странствованій. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ города я увидѣлъ плотную массу народа.

— Что тамъ такое, любезный? — спросилъ я гайдука, который съ любопытствомъ заглянулъ въ мою карету.

— Что тамъ такое? отвѣчалъ — онъ, смѣясь и указывая на висѣлицу. — Тамъ кумъ о трехъ ногахъ; на каждой ногѣ будетъ повѣшено по преступнику.

— Кто же эти несчастные?

— Поджигатель, воръ и шпионъ. Шпиону придется лучше всѣхъ, его нельзя порядкомъ и повѣсить, у него нѣтъ правой руки, ему прокололи ее за фокусъ-покусъ въ картахъ.

— Боже мой, какъ его зовутъ? — вскричалъ я съ тяжелымъ предчувствіемъ.

— Онъ называлъ себя Жаномъ Пердю и выдавалъ за французскаго капитана, когда его поймали на границѣ и нашли тайными денгами подъ подкладкою воротника. Но это шутилки! Онъ назвался ложнымъ именемъ; узнали, что онъ нѣмецкій актеръ и шулеръ.

Роковая тѣлѣга съ тремя преступниками подъѣхала. Воръ и поджигатель были блѣдны, какъ смерть; ихъ нужно было нести до висѣлицы. Но шпионъ гордо игралъ лѣвою рукою своими кудрями и соскочилъ изъ тѣлѣги, какъ истинный кавалеръ. Съ сострадательною улыбкой смотрѣлъ онъ на перепуганныхъ сотоварищей по судьбѣ; когда дошелъ чередъ до него, онъ раздѣлся безъ помощи своего

страшнаго прислужника, протянулъ священнику лѣвую руку, раскланялся съ публикою, какъ будто она его вызывала, и твердыми шагами вступилъ на помость. Словами «помилуй меня, Господи!» закончилъ актеръ Штейнъ свою послѣднюю земную роль. (Бирж: Вѣд.).

С М Ъ С Ъ.

Въ одно время съ Высочайшими наградами, которыми удостоились лица, служащія при Дирекціи московскихъ театровъ и о которыхъ было сообщено въ прошедшемъ № «Антракта», главная надзирательница московскаго театральнаго училища, г-жа Лоберо, также получила Высочайшій подарокъ.

Въ прошлое воскресенье король Георгъ присутствовалъ на послѣднемъ представленіи французской труппы въ Михайловскомъ театрѣ. Е. в. занялъ императорскую ложу при аванъ-сценѣ, вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княгиней Александрой Іосифовной. Августѣйшіе зрители оставили театръ по окончаніи послѣдней сцены «Маркиза де-Виллемера».

Вотъ что пишутъ въ «Голосѣ» о посѣщеніи славянскими гостями петербургскаго театра 8 мая. Вечеромъ сегодня наши славянскіе гости присутствовали на представленіи «Жизни за Царя» въ Маринскомъ театрѣ. Публика, знавшая объ этомъ, наполнила залу сверху до низу гораздо ранѣе начала спектакля. Взоры всѣхъ устремлены были на пустыя ложи бельэтажа, отведенныя для славянъ. За пять минутъ до поднятія занавѣса ложи эти стали наполняться. Направо во второй ложѣ отъ большой царской появились Палацкій, увѣнчанный орденами, въ числѣ которыхъ былъ и русскій орденъ Владимира 3-й степени, и Ригеръ съ анненскимъ орденомъ на шеѣ. За ними слѣдовали другіе славяне, занявшіе почти половину всего бельэтажа и три боковыя ложи бенуара. Нѣкоторые изъ нихъ (дама-латышъ) были въ очень красивыхъ національных костюмахъ, другіе въ черныхъ чамаркахъ съ шурками, но большая часть въ общеевропейскомъ платьѣ; на нѣкоторыхъ были русскіе ордена. Такъ какъ они входили въ ложу не все вмѣстѣ, то публика, несмотря на очевидное свое желаніе, не могла привѣтствовать ихъ при входѣ. Первый актъ оперы прошолъ посреди какого-то напряженнаго ожиданія... Когда занавѣсъ опустился, всѣ встали и обратились лицомъ къ ломамъ, занимаемымъ славянами. Прошла минута, и вдругъ раздались единодушные и громовые крики «слава». Славяне встали и начали раскланиваться... Крики усилились; къ нимъ присоединились аплодисменты, мужины махали шляпами, дамы платками. Велѣдъ за этимъ общимъ привѣтствіемъ раздалось «Палацкому слава»... Маститый вождь чеховъ выдвинулся впередъ и, растроганный, кланялся публикѣ. Точно также привѣтствовали Ригера, который также отвѣчалъ покло-

нами. Вслѣдъ затѣмъ раздались громкіе крики «гимнъ, гимнъ!» и оркестръ грянулъ «Боже, Царя храни!» Занавѣсъ поднялся, и всѣ артисты оперной труппы соединили свои голоса съ музыкою. Славяне необыкновенно восторженно приветствовали нашъ народный гимнъ, который былъ исполненъ два раза. Во второмъ актѣ публика приняла очень холодно знаменитую мазурку. Не смотря на великолѣпное ея исполненіе нашими извѣстными танцовщиками и танцовщицами, немногочисленные аплодисменты были тотчасъ же остановлены дружнымъ шиканьемъ. Это была своего рода демонстрація, весьма понятная, если вспомнить, что въ числѣ нашихъ гостей не было ни одного изъ отщепенцовъ славянства — поляковъ. Въ продолженіе всей оперы наши гости безпрестанно выражали удовольствіе, доставлявшееся имъ геніальнымъ произведеніемъ Глинки, и съ рѣдкимъ тактомъ встрѣчали аплодисментами всѣ слова Сусанина, относившіяся до величія Россіи и преданности народа царю. Въ антрактахъ они выходили въ фойе, гдѣ ихъ немедленно окружала сочувственно любопытная толпа и гдѣ художникъ Лаврецькій поднесъ Палацкому вышпленную имъ въ большомъ размѣрѣ медаль съ горельефнымъ изображеніемъ артиста Петрова, исполнявшаго роль Сусанина. Это тѣмъ болѣе было кстати, что Палацкій выражалъ неоднократно удивленіе свое къ драматическому таланту г. Петрова. Послѣ «Жизни за Царя» шелъ дивертисементъ изъ «Конька-горбунка», составленный, какъ извѣстно, изъ танцевъ различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. Здѣсь опять повторилась демонстрація по поводу танцевъ поляковъ, встрѣченныхъ шиканьемъ, несмотря на великолѣпное исполненіе г-жъ Рюхиной и Паркачевой. За то русская пляска г. Гольца была встрѣчена восторженными рукоплесканіями, сигналъ къ которымъ подали опять-таки славяне. По окончаніи дивертисемента снова раздались крики «слава» и отдѣльные привѣтствія Палацкому и Ригеру, а затѣмъ публика опять потребовала русскій народный гимнъ, который и былъ на этотъ разъ исполненъ однимъ оркестромъ. Впечатленіе, произведенное на нашихъ дорогихъ гостей этимъ спектаклемъ, было очевидно самое пріятное, что они и высказывали въ антрактахъ.

Что касается до публики, то она вѣроятно долго не забудетъ этого знаменательнаго вечера, на которомъ ей удалось въ первый разъ близко и лицомъ къ лицу познакомиться съ вождями и представителями единоплеменнаго намъ славянства. Въ спектаклѣ нѣкоторое время присутствовали и императорскія высочества великія князья Константинъ и Николай Николаевичи.

Г. Ростиславъ въ № 125 газеты «Голосъ» сообщаетъ слухъ, что специальный комитетъ, составленный для обсужденія вопроса, какаго именно оперная труппа бѣдѣ, по вкусу петербургской публикѣ, порѣшили, что возстановленіе италіанской опе-

ры *представляетъ насущную необходимость*. Въ томъ же № «Голоса» г. Ростиславъ сообщаетъ, что пѣвецъ Кондратьевъ покидаетъ петербургскую сцену.

Мы получили извѣстіе изъ Пятигорска, что туда на лѣтній сезонъ пріѣхала италіанская оперная труппа подъ управленіемъ Франческо Корони и открыла обониментъ на 40 представлений. Цѣны на мѣста отъ 200 р. е. (за двойную литерную ложу до 30 р. е. (за кресла заднихъ рядовъ). Членъ труппы: гг. Корона, Челестини, Поне, Вени, Вронд-г-жи Корона, Королина Барняни, Лиза (такъ зывается въ печатной афишѣ) Барняни и др. Абониментъ открытъ былъ «Трубадуромъ».

Въ С.-Петербургскія Вѣдомости пишутъ: «Литольфъ давалъ въ Петшѣ концертъ. Какъ вы думаете, конституціонное мадырское правительство не позволило ему выступить въ обыкновенномъ европейскомъ платьѣ, въ какомъ онъ выступалъ рѣшительно вездѣ: на него напялили національный костюмъ и Литольфъ явился предъ публикою — гусаромъ. Старикъ Литольфъ гусаромъ!.. На память этого необыкновеннаго случая онъ снялъ съ себя въ такомъ видѣ карточки, и одну изъ нихъ подарилъ здѣсь нашему знакомому».

Вѣнская Debatte и другія австрійскія газеты единогласно заявляютъ, что нынѣшній турецкій султанъ страстный любитель пѣтушьяго боя; много пернатыхъ бойцовъ содержится въ его дворцѣ Долма-Бахче и каждый имѣетъ свое имя. Въ почтенной средѣ султанскихъ пѣтуховъ есть Азисъ-Азей (имя султана), Наполеонъ III, Гарибальди, Бисмаркъ, Пальмерстонъ (самый храбрый пѣтухъ), Фридрихъ Вильгельмъ и др. 19-го апрѣля былъ бой между пѣтухомъ Азисъ-Азеемъ и пѣтухомъ Наполеономъ III; первый остался побѣдителемъ. Это обетованіе привело султана въ такой восторгъ, что онъ тотчасъ же, въ присутствіи министровъ, украсилъ побѣдителя орденомъ Османіе 1-й степени. Что лучше: султанскія забавы пѣтушьями боями, или наши забавы «Гражданскими браками» и подобными прелестями?

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Русскомъ Инвалидѣ сообщаютъ извѣстіе о кончинѣ даровитой г-жи Ванини. Она умерла 29-го апрѣля въ Висбаденѣ, послѣ долгой и мучительной болѣзни, скосившей ее въ цвѣтъ молодости и красоты. Петербургская публика не скоро забудетъ эту прекрасную артистку, отмѣтившую многія изъ играныхъ ею ролей неизгладимою печатью своего рѣдкаго таланта. Кромѣ ролей «Леборы», «Юдита», «Маріи Стюартъ», она была увлекательно хороша, напримѣръ, въ роли преступной жены въ «Испорченной жизни» г. Чернышева.